

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. В. Ковалев¹,

Белорусский национальный технический университет
(Минск, Беларусь) / Европейский гуманитарный университет
(Вильнюс, Литва)

ДЕБАТЫ СРАФФА—ХАЙЕК: К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННОЙ СТАВКЕ ПРОЦЕНТА

Данная статья посвящена анализу произошедшей в 1930-е гг. дискуссии между Ф. Хайеком и П. Сраффой, не представленной в русскоязычной литературе по истории экономической мысли. Основным методом выступил контент-анализ. В статье проанализированы направления критики теории бизнес-цикла Ф. Хайека со стороны Сраффы и ответ на критику. Проведено сравнение подходов оппонентов к понятию равновесия, проблеме равенства сбережений и инвестиций, возможности потери капитала в результате ошибочных инвестиций, роли ожиданий, вопросу о естественной ставке процента. Предложен вариант объяснения неэффективности ответа Хайека на вопрос о множественности естественных ставок процента и причин, по которым бартерная экономика была воспринята как теоретическая основа хайковского анализа, — содержательная неточность формулировки естественной ставки процента и выбранная методика представления теории в рамках равновесной парадигмы. Выводы исследования могут быть применены для анализа воздействия регулирования процентных ставок на экономическую систему.

Ключевые слова: Сраффа, Хайек, неорикардизм, австрийская школа, естественная ставка процента.

Цитировать статью: Ковалев А. В. (2019). Дебаты Сраффа—Хайек: к вопросу о естественной ставке процента // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2019. — № 3. — С. 3—17.

NATURAL INTEREST RATE: SRAFFA VS. HAYEK DEBATES

This article deal with the discussion between F. Hayek and P. Sraffa in the 1930s. This piece of the history of economic thought is not presented in the Russian-speaking literature. The main method is a content analysis. The directions of criticism Hayek's business cycle theory by Sraffa and the response towards is analyzed in the paper. The author compared the

¹ Ковалев Александр Васильевич, к.э.н., доцент кафедры менеджмента Белорусского национального технического университета, профессор департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета; e-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

opponents' approaches to the essence of the equilibrium, to the savings-investments equality, to the possibility to lose capital as a result of malinvestments, to the role of expectations, and to the natural rate of interest. A version was offered for explaining the ineffectiveness of Hayek's answer to the question on the multiplicity of natural interest rates and the reasons why the barter economy has been perceived as theoretical basis of the Hayekian analysis. It is the inaccurate wording of the natural interest rate and the representation the theory within the framework of the equilibrium paradigm. The findings of the research may be applied to analyze the impact of interest rate regulation on the economic.

Key words: Sraffa, Hayek, Neo-Ricardians, Austrian School, natural interest rate.

To cite this document: *Kavaliou A. V.* (2019). Natural Interest Rate: Sraffa vs. Hayek Debates. *Moscow University Economis Bulletin*, (3), 3–17.

Введение

Десятилетие с середины 1920-х до начала Второй мировой войны, точно названное Дж. Шэклом «годы высокой теории» [Shackle, 1967], характеризуется появлением целой россыпи идей. «Общая теория...» Кейнса; статьи Р. Коуза о трансакционных издержках; теория несовершенной конкуренции Дж. Робинсон / Э. Чемберлина; вызов маршалианской концепции равновесия от П. Сраффы; революционные работы Дж. Хикса; теория бизнес-цикла и пока еще идея концепции рассеянного знания Ф. Хайека — все эти работы надолго сформировали ландшафт развития экономической науки.

Для австрийской школы экономики это было трагическое десятилетие — потеря после аншлюса институциализирующего университета и массовая эмиграция ученых повлекли длительный упадок. С одной стороны, начальные этапы эмиграции привели к взаимному проникновению идей, а иногда и созданию плодотворных научных тандемов (например, Нейман—Моргенштерн). С другой стороны, представители АЭШ столкнулись с непониманием своей теории и были вовлечены в дискуссии, в которых с разной степенью успешности сумели представить взгляды школы. И если выводы о невозможности рационального экономического расчета при социализме обоснованно считаются вкладом школы в политическую экономию, то австрийская теория бизнес-цикла и по сей день не имеет широкого распространения в академической среде, хотя и получила шанс на отвоевание позиций у традиционных неоклассических-неокейнсианских теорий после Великой рецессии 2008 г. [Caballero, 2010].

Причиной подобного положения дел считается распространенное в истории экономической мысли мнение о том, что Хайек не предложил эффективного возражения на критику со стороны Кейнса и Сраффы, хотя в 1930-е гг. АТБЦ, по мнению М. Фридмана, воспринималась как серьезная альтернатива кейнсианскому объяснению кризисов [Snowdon et al., 2005]. В первую очередь упрек в слабости возражения касается аргумента

о возможной множественности естественных ставок процента. Это тем более удивительно, что возражения Хайека Кейнсу относительно предложенной им системы регулирования, включая регулирование процентной ставки, привели последнего к необходимости «взять время для усиления своей теоретической позиции» [Sanz Bas, 2011].

Цель данной статьи — рассмотреть не исследованную в русскоязычном академическом сообществе дискуссию между П. Сраффой и Ф. Хайеком и очертить возможные аспекты влияния дискуссии на современную проблематику регулирования процентных ставок.

Статья построена следующим образом: в первой части кратко изложена теория бизнес-цикла Хайека, во второй проанализирована непосредственно дискуссия: обзор Сраффой работы «Цены и производство» и ответ Хайека на критику; в третьей представлены дискутируемые в литературе по истории экономической мысли интерпретации дебатов; в заключении сделаны выводы.

Теория бизнес-цикла Хайека: краткое представление

В 1927 г. Хайек возглавил в Вене Институт исследования конъюнктуры и опубликовал ряд работ [Найек, 1928, Найек; 1929, позже изданную на английском языке как Найек, 1933], в которых предложил собственное видение (развитие) теории бизнес-цикла австрийской школы. Приглашение Л. Роббинса прочесть лекционный курс по проблеме бизнес-циклов в Лондонской школе экономики завершилось публикацией на основе четырех лекций работы под названием «Цены и производство» [Найек, 1931c], вызвавшей бурную дискуссию в академическом сообществе.

Гласнер и Циммерман [Glasner, Zimmerman, 2014] считают, что ключевой концепцией, развитой в теории Хайека, была идея межвременного равновесия. До того равновесие рассматривалось в маршаллианском духе как статичное, конечное состояние — у Хайека же равновесие не просто динамическое, но и динамика его определена не набором объективных факторов (технология и проч.), устанавливающих темп роста; равновесие по Хайеку есть «совпадение планов хозяйствующих субъектов» [Найек, 1928].

В своей теоретической системе Хайек опирается на теоретические достижения предшественников. У основоположника австрийской школы К. Менгера можно обнаружить и идею о необходимости интеграции денежного и реального секторов экономики, и догадку о важности объяснения экономики на основе обмена «разделенным» знанием, и определение характера взаимовлияния между потребительскими и инвестиционными благами. Е. Бем-Баверк в своей теории капитала и процента доказал значимость накопления капитала для увеличения производительности («окольные» пути производства) и подчеркнул роль фактора вре-

мени в экономическом развитии. Мизесу на основе теории денег и фидуциарных средств обращения удалось включить в анализ цикла Викселевскую естественную процентную ставку. Хайек интегрировал в теорию цикла важнейшие теоретические идеи предшественников — значимость времени, структуры производства и капитала, денег, ошибок координации экономических субъектов.

Межвременное равновесие по Хайеку обусловлено предпочтениями экономических агентов, в соответствии с которыми формируются структура производства и структура капитала. Равновесная структура относительных цен очевидно коррелирует с естественной ставкой процента, которая соответствует межвременному предпочтению домашних хозяйств между текущим и будущим потреблением, определяет размер сбережений и объем доступного капитала, а как следствие — и длительность применяемых в экономике производственных процессов, «окольных» способов производства.

Кредитная экспансия сбивает процентную ставку ниже естественного уровня, стимулируя инвестиционный спрос без соответствующего роста добровольных сбережений. Подобное манипулирование ведет к волатильности относительных цен. Первоначально рост цен на капитальные блага вызывает «сверхинвестирование» (*overinvestment*) в том смысле, что не подкрепленное ростом сбережений перераспределение ресурсов в производство капитальных товаров сокращает доступное количество товаров потребительских. Кроме того, возникает «ошибочное инвестирование» (*malinvestment*): ранее убыточные проекты при пониженной ставке процента представляются предпринимателям прибыльными — они разворачивают окольные способы производства, удлиняя производственную структуру; однако проекты эти не могут быть обеспечены достаточным для нового количества капитала объемом комплементарных благ. Рост спроса на комплементарные блага (в том числе труд) повышает доходы владельцев первичных ресурсов и ведет к росту спроса на потребительские товары. Повышение уже их относительных цен создает стимулы для обратного передела капитала и сокращения длительности производственных процессов.

Давление в сторону роста потребительских цен требует от банковской системы прекращения кредитования, и когда ставка процента повышается, казавшаяся прибыльность проектов оказывается неоправданной. Искусственный бум сменяется экономическим спадом, который характеризуется незанятостью ресурсов, причем и трудовых, и капитальных, поскольку «замороженный» в ошибочных проектах удлиненной структуры производства капитал невозможно приспособить для производства, соответствующего настоящим потребностям, ввиду его неоднородности. Если же кредитная экспансия будет продолжаться, то неизбежный рост цен может привести к коллапсу денежной системы.

Таким образом, ключевым фактором кризиса по Хайеку является не просто изменение направления вложения капитала в зависимости

от уровня цен, на чем в объяснении кризиса сосредотачивались Висксель [Wicksell, 1936] и Кейнс [Keynes, 1930], а именно не обеспеченная сбережениями попытка удлинения производственных процессов. Воздействие денег на структуру производства не ограничивается просто изменением сегодняшней структуры относительных цен, но и изменением временной структуры производства под воздействием искажения процентной ставки, и как следствие — искажением ожидаемых будущих цен. Происходит рассогласование планов субъектов экономики, требуется их корректировка. Для выхода из кризиса требуется ограничение потребления, накопление нового основного капитала и вовлечение его в производственный процесс в соответствии со структурой предпочтений потребителей по мере рассеивания неопределенности знания предпринимателей относительно прибыльности тех или иных инвестиций.

Рекомендации Хайека избавиться от активизма в проведении монетарной политики напрямую противоречили распространенным среди британских экономистов взглядам, что привело к дискуссии с Дж. М. Кейнсом и П. Сраффой.

Атака Сраффы и ответ Хайека

Дебаты начались с обзора Хайеком в двух частях [Hayek, 1931a, 1932a] «Трактата о деньгах» в журнале *Economica*. Хайек подверг критике как теоретические аспекты работы Кейнса (особенно отсутствие теории капитала, что не просто обедняло анализ, но превращало всю экономику не более, чем в движение денежных потоков), так и выводы относительно предлагаемых инструментов экономического стимулирования, чреватых инфляционным ростом цен. Не дожидаясь публикации второй части обзора, Кейнс опубликовал возражение [Keynes, 1931], в котором перешел этические рамки подобных ответов, поскольку не только разъяснял собственную позицию, но и без стеснения себя в выражениях подверг критике только что появившуюся книгу Хайека «Цены и производство». Впрочем, в письме к Хайеку в марте 1932 г. Кейнс признал обоснованность хайековских аргументов и заявил, что «делает шаг назад для развития центральной позиции теории» [Sanz Bas, 2011].

Вместе с тем, осознавая, что его возражения недостаточны, Кейнс как редактор *Economic Journal* пригласил П. Сраффу написать обзор книги Хайека [Glasner, Zimmerman, 2014]. Выбор рецензента был обусловлен в том числе и тем обстоятельством, что сам Кейнс не владел основательно «теоретическими блоками», использованными Хайеком (работами Бем-Баверка, Мизеса и Парето), в то время как читавший по-немецки Сраффа был в этом смысле более подготовлен [Kurz, 2015]. Важность данной рецензии в научном становлении Сраффы подчеркивается тем фактом, что с публикации в 1926 г. «Законов доходности в условиях конкурен-

ции» до предисловия к сборнику сочинений Д. Рикардо в 1951 г. Этот обзор — единственная работа автора [Lachmann, 1986], а Курц считает, что критика Хайека стала краеугольным камнем в разработке собственной концепции Сраффы в «Производстве товаров посредством товаров» [Kurz, 2003]. Ответ Хайека на критику был опубликован в следующем номере журнала.

В обзоре можно выделить пять направлений атаки. *Во-первых*, Сраффа считает, что Хайек не проводит различия между бартерной и денежной экономикой; деньги для него являются исключительно средством обмена; теория покоится на стандартной версии количественной теории денег, когда отрицаются все эффекты влияния изменения общего уровня цен на производство. Хайек действительно призывает отказаться от концепции общего уровня цен и сосредоточить анализ на влиянии изменений относительных цен на хозяйственную систему. Деньги в рамках австрийской школы действительно рассматриваются не как долги, не как соглашение о будущих зарплатах, а как средство обмена, но в том числе как средство обмена настоящих благ на будущие — и деньги играют самую непосредственную роль в концепции бизнес-цикла. Вся первая лекция (из четырех) посвящена анализу теорий влияния денег на цены, потому приравнивать подход Хайека к дихотомии с трактовкой «деньги — это вуаль» просто наивно. Хайек воспринял такую критику как недоразумение и оставил этот аргумент без ответа [Ferlito, 2015].

Неожиданно для неорикардianца Сраффа оставляет вообще без анализа теорию капитала, считая ее разработку в книге «потерей времени», поскольку использовать ее как инструмент объяснения можно только после интеграции в модель ставки процента, что, по его мнению, Хайеку не удалось.

Второе возражение касается равенства сбережений и инвестиций. Вслед за Кейнсом Сраффа недоумевает и называет такое допущение абсурдом на том основании, что сбережения и инвестиции делаются разными «классами» (социальными группами) — домашними хозяйствами и предпринимателями. Хайек очень четко контраргументирует: «Разве потребитель, который не является предпринимателем, своим решением об объеме сбережений не определяет пропорцию между спросом на потребительские и производственные товары?» [Hayek, 1932b, p. 241] Не становясь предпринимателем, но отдавая предпринимателю в долг под процент свои сбережения, он определяет размер спроса на капитальные товары.

Третье направление спора касается ошибочных инвестиций (malinvestment). Сраффа считает неверной идею о том, что в момент кризиса теряется часть общественного капитала. По его мнению, при колебаниях ставки процента и цен происходит перераспределение капитала между классами: один из них просто грабит другой на часть дохода, общая

же величина капитала не меняется. И в этом случае ответ Хайека был убедителен: в физическом выражении капитал, конечно же, не меняется, но в финансовом аспекте — безусловно! Какой смысл в физическом обладании капиталом, если производимые на нем станки невозможно продать из-за отсутствия спроса? Неужто Сраффа не знаком с тем фактом, что стоимость капитала снижается при росте других издержек производства? Проблема недопонимания проистекает из того факта, что в рикардianской традиции капитал трактуется как гомогенный — и тогда не возникает проблемы с его «перебрасыванием» в другие отрасли в период кризиса. Но ведь в действительности капитал воплощен в конкретной натурально-вещественной форме, и использование определенного рода оборудования в других производствах технологически невозможно. Требуется предпринимательское творчество, чтобы сформировать в новых сложившихся условиях спроса сочетания труда и капитала, которые обеспечат соответствующий выпуск продукции.

В-четвертых, важным аспектом спора стал подход к формированию ожиданий и к пониманию равновесия. Хайек подчеркнул центральную роль ожиданий в работе [Hayek, 1929]: позитивные ожидания прибыли побуждают предпринимателей изменить предпочтения к инвестированию, что ведет к росту процентной ставки — и этот аспект ускользает от внимания Сраффы. В англоязычном мире концепция ожиданий возникнет только у Кейнса в «Трактате о деньгах», но австрийская школа не воспользовалась данной возможностью, чтобы развить основания своего подхода [Lachmann, 1986]. Нам представляется, что субъективизм знаний, ожиданий и планов неизбежно привел бы Хайека к концепции «калейдоскопического общества» (позже развитой Шэклом и Лахманном), в котором не может быть равновесия как такового, поскольку изменения настолько часты, что система не успевает приспособиться к прошлым изменениям, как уже происходят новые. Однако в такой трактовке Хайек оказался бы непонятым, поэтому его равновесие координации планов хозяйственных субъектов в чем-то сходно с идеями Парето. Спрос и предложение определяют равновесные цены; межвременная ценность потребления — пропорцию потребления и сбережения, равновесную ставку процента и объемы производства потребительских и капитальных товаров. Изменение параметров, определяющих процентную ставку, ведет к новому динамическому равновесию через закон тенденции (тяготения).

Совершенно иное понимание равновесия у Сраффы: у него абсолютно в духе классической школы равновесные цены определяются не спросом, но исключительно условиями производства: «Если по каким-то причинам предложение и спрос на товар не находятся в равновесии (т.е. превышают или находятся ниже *издержек их производства*)...» [Sraffa 1932a, p. 50] Как следствие — ключевым фактором восстановления равновесия является не изменение цены, а приспособление объема производимой

продукции к изменениям спроса, в то время как цены тяготеют к долгосрочным издержкам.

Наконец, *пятым* и представляющимся ключевым направлением дебатов является вопрос о естественной ставке процента. Хайек в своей концепции опирается на идею Викселя о разделении «естественной» и денежной ставки. Совпадение этих ставок является одним из трех условий общего экономического равновесия (два остальных — равенство инвестиций и сбережений и стабильность уровня цен на рынке потребительских товаров). В денежной экономике возможно расхождение ставок, обусловленное деятельностью банков, изменяющее временную структуру производства и ведущее к отклонению от равновесия. Сраффа возражает: в модели Хайека расхождение ставок является характеристикой исключительно денежной экономики, хотя точно такое расхождение ставок возможно и в условиях бартерной экономики. В такой экономике в один момент времени может существовать множество *естественных* процентных ставок (выраженных в конкретных товарах и соответствующих заимствованиям в этих товарах), в то время как только одна из них будет соответствовать условиям равновесия. При этом функцию банков, произвольно изменяющих денежную массу, может выполнить погода, незапланированно увеличивая, например, предложение одного из средств заимствования — пшеницы. И тогда происходит расхождение товарных ставок, возникает множество *естественных* ставок. Сраффа не отрицает возможность существования равновесной (уникальной естественной) ставки в условиях статичного состояния экономики, но любое расширение производства устраняет равновесие и соответствующую ему ставку как явление. Множественность *естественных* ставок нивелирует всю логику развертывания кризиса по Хайеку.

Кроме того, Сраффа ставит под сомнение возможность возврата экономики в равновесное состояние после отказа от ошибочной политики банков на расширение денежной массы, поскольку меняется распределение национального богатства, которое является одним из факторов, определяющих равновесие. Перераспределение доходов меняет у разных групп объем добровольных сбережений — потому страдает аргументация строгого разделения их со сбережениями вынужденными.

Ответ Хайека выглядел одновременно и уступкой, и лавированием [Glasner, Zimmerman, 2014]: он признал возможность существования в описанной Сраффой бартерной экономике множества «естественных» ставок, и не одна из них будет удовлетворять условиям равновесия, а *все* они, будучи комбинированным результатом факторов, определяющих сегодняшнее и будущее предложение каждого из товаров, будут *равновесны* (курсив Хайека) для соответствующих товаров [Науек 1932b]. Хайек не развивает данный аргумент, ограничиваясь замечанием о том, что «взаимодействие между всеми этими ставками настолько сложно, что выходит

за возможные рамки ответа на критику», чем создает впечатление, что он не знает путей, как возразить Сраффе...

В «Реплике» Сраффа подчеркивает согласие Хайека с возможностью существования множества ставок — и иронизирует, что монетарная политика по Хайеку должна теперь быть направлена на достижение равенства денежной ставки процента всем расходящимся естественным товарным ставкам [Sraffa, 1932b].

Кейнс должен быть благодарен Сраффе [Kurz, 2015]: его атака на Хайека привела к отсутствию критики «Общей теории...» со стороны австрийской школы и Л. Роббинса¹. При этом исследователи отмечают и несогласие Сраффы и Кейнса относительно товарных ставок процента [Naldi, 2015], и сходство их теорий в том смысле, что у обоих монетарная политика может способствовать достижению долгосрочного равновесия через манипулирование процентной ставкой и корректировку реальной заработной платы [Vernengo, 2001].

Интерпретация ответа Хайека

Лахманн отмечает необыкновенную свирепость атаки Сраффы и объясняет это именно тем, что она велась с неорикардianских позиций, затрагивая самую суть произошедшей маржиналистской революции — субъективность ценности и маржинальный анализ [Lachmann, 1986]. При этом сам Сраффа, опасаясь остаться непонятым, нигде не пишет об основаниях своего подхода — более того, не отвечает на прямую просьбу Хайека «определить более ясно собственную позицию по этим [обсуждаемым] проблемам» [Hayek, 1932b, p. 238]. Разделяемый Сраффой подход можно обнаружить только в описанной выше трактовке равновесия и в вынесенном в сноску упреке: «Доктор Хайек, который проповедует достижения субъективного метода, на самом деле ничего не давшего...» [Sraffa 1932a, p. 47f]. Ферлито подчеркивает, что именно Лахманн определил направление критики как неорикардianское, а не посткейнсианское, поэтому даже критика со стороны Кейнса была не столь радикальна [Ferlito, 2015].

Впрочем, наиболее загадочной в данной дискуссии является неоднозначность ответа Хайека на вопрос о равновесной естественной ставке. Лахманн считает высказанное Хайеком согласие о возможности существования множества естественных ставок фатальной уступкой Сраффе, высказывая предположение, что «... все, что он хотел сказать, так это то, что ни одна из разновидностей расхождения процентных ставок, какими бы они ни были, не будет длиться достаточно долго, чтобы иметь ка-

¹ Существуют разные взгляды на трактовку причин отсутствия критики «Общей теории...» со стороны Хайека — см.: [Ковалев, 2018].

кое-либо постоянное влияние на капиталовложения» [Lachmann, 1986, р. 237]. Товарный арбитраж при свободной конкуренции являлся бы фактором тенденции ставки процента к единой равновесной, но такая ставка не соответствовала бы равновесию ни в понимании Сраффы (равенство цен и издержек), ни в понимании Хайека (равенство спроса и предложения на отдельных рынках), а являлась бы отражением эффективного межрыночного равновесия.

Такой же позиции конвергенции различных товарных ставок в одну равновесную придерживаются Гласснер и Циммерман. По их мнению, поскольку Хайек в предыдущих работах не отрицал, что ожидаемые изменения цен не противоречат идее межвременного равновесия, он не отказывает и в возможности расхождения отдельных «товарных» ставок. Проблема его ответа заключается в том, что он не разделил естественную реальную ставку, встроенную в номинальные по различным товарам, и ожидаемые изменения их цен. Однако такая логика защиты естественной ставки потребовала бы расширить трактовку нейтральной монетарной политики, когда любые темпы денежной экспансии могут нивелироваться центовыми ожиданиями [Glasner, Zimmerman, 2014].

Нам представляется важным отметить, что Сраффа трактует ставку процента в викселлевском смысле как приращение во времени физически однородных благ в реальном исчислении. В равновесии «спот- и форвардные цены на все товары будут совпадать — и все *естественные, или товарные* (курсив мой. — А.К.) ставки будут равняться денежной. Если же равновесие спроса-предложения на рынке какого-то товара нарушено, то его спот- и форвардные цены будут расходиться — и естественная ставка по этому товару будет отличаться от других естественных ставок» [Sraffa, 1932a, р. 49—50]. Данный отрывок показывает, что Сраффа, во-первых, отождествляет товарные ставки с естественными¹, что совершенно неправомерно; во-вторых, противопоставляет натуральные ставки денежной.

Однако нигде в работе Хайека нет противопоставления бартерной и денежной экономик в вопросе влияния на естественную ставку! В доказательство приведем две цитаты. Хайек пишет:

«...согласно Викселлю, равновесная ставка процента есть такая ставка процента, которая ограничивает спрос на реальный капитал количеством доступных сбережений и одновременно обеспечивает стабильность уровня цен» [Хайек, 2008, с. 31];

¹ *Natural* как бартерная, не-денежная (от *natural economy*) и *natural* как естественная. Представляется, что когда Хайек признает возможность существования в описанной Сраффой бартерной экономике множества «естественных» ставок, он берет слово «естественных» в кавычки именно для того, чтоб подчеркнуть неправомерность смешения оппонентом естественной ставки с товарной.

«Если бы не существовало возмущений, вызванных существованием денег, то процентная ставка определялась бы на таком уровне, который уравнивает спрос и предложение сбережений. Эту равновесную ставку, как я предпочитаю ее называть, он [Виксэль] окрестил естественной ставкой процента. В использующей деньги экономике фактическая ставка процента (*Geldzins*) может отличаться от равновесной, или естественной, ставки, поскольку спрос на капитал и его предложение реализуются не в вещественной форме, а в форме денег, количество которых, доступное для нужд инвестирования... может быть произвольно изменено банками» [Хайек, 2008, с. 27–28].

Категория «уровень цен», стабильность которого обеспечивается естественной ставкой процента, не может относиться к бартерной экономике по определению. И второй фрагмент не закрепляет за естественной ставкой характера «бартерности» — в соответствии с интеллектуальной традицией австрийской школы Хайек противопоставляет «денежную *вещественную* форму» и «денежную *банковскую* форму» предоставления средств для инвестирования. Противопоставляются не «вещественная форма» и «форма денег» как таковых, а «форма денег, количество которых может быть изменено». Принципиальным моментом выступает *произвольность* изменения банками объема фиатных денег в сложившейся системе бумажноденежного обращения и частичного резервирования, что невозможно в условиях отсутствия банков или при полном покрытии выпущенных банкнот полноценными деньгами. То есть речь не идет о том, что только в условиях бартера невозможно отклонение фактической ставки от естественной — точно так же оно невозможно в условиях обеспеченных денег.

Возникает вопрос — почему другие исследователи восприняли бартер как теоретические рамки хайковского анализа? Нам представляется перспективным попытаться объяснить это двумя ошибками Хайека. Первая связана с содержательной неточностью примененного выше оборота «спрос и предложение капитала реализуются не в вещественной форме». Гораздо точнее было бы выразить мысль как «реализуются в форме кредитных бумажных денег». Удачным вариантом объяснения естественной ставки может быть такое размышление: когда все инвестиционные проекты финансируются без банковской системы посредством привлечения ресурсов через выпуск корпоративных облигаций, наблюдается прямое взаимодействие сбережений и инвестиционного спроса, в результате чего ставка заимствования устанавливается на естественном уровне. Отклонения ставки от равновесной не возникает ни в безденежной экономике, ни в денежной экономике с металлическим обращением.

Более глубинная вторая ошибка заключается в попытке представить теорию цикла как отклонение от гипотетического состояния равнове-

сия. Хайек использует концепт равновесия, чтобы быть лучше понятым и в плане методическом (сначала — равновесие, после чего — анализ факторов отклонения от него), и в плане господствующей в Англии традиции (в австрийской школе ни о каком равновесии речи быть не может, потому что невозможно предсказать равновесную цену — все, что может наука, так это показать возможный диапазон цены). Идея равновесия воспринималась всеми в духе Вальраса—Парето — и совершенно логично на теорию Хайека тенью легли главные минусы трактовки экономики лозаннской школой: статичность модели и восприятие денег как вуали, счетного отношения (*numeraire*), в то время как все факторы развития экономики лежат на стороне реального, товарного, сектора [Худокормов, 2017].

И если концепция динамического равновесия Хайека была воспринята современниками, то идеал «бартерного хозяйства» Вальраса сыграл с Хайеком злую шутку. отождествление бартерных, товарных ставок, с естественными (*natural* в противовес *monetary*) было воспринято читателями как релевантное и создало для Сраффы возможность организации критики через демонстрацию пресловутой множественности «естественных» ставок, хотя и деньги в модели Хайека играют активную роль, и весь анализ построен в отношении именно денежной экономики. Наконец, естественная ставка у Хайека не является нейтральной (равновесной) в смысле неизменности соотношения цен капитальных и потребительских благ — нейтральна она в разрезе соответствия предпочтениям экономических субъектов относительно распределения дохода между потреблением и сбережением.

Таким образом, проблема не в том, что Хайек сделал уступку Сраффе, — уступка крылась в изначальном варианте представления теории с допущением равновесия в духе Парето—Вальраса, и это привело к реноме уступившего в дебатах.

Заключение

Рождение макроэкономики сопровождалось значительными дебатами по различным аспектам функционирования экономики. Одной из наиболее ярких является дискуссия между Ф. Хайеком, отстаивавшим теорию бизнес-цикла австрийской школы экономики, и П. Сраффой, критиковавшим ее с неорикардианских позиций, хотя и выступавшим в союзе с Дж. М. Кейнсом.

В истории экономической мысли закрепилось мнение о неэффективности ответа Хайека на критику в сочетании с выдвиганием кейнсианских инструментов в качестве главенствующих в реализации экономической политики. Анализ дискуссии позволяет увидеть, что Хайек убедительно парировал такие аргументы Сраффы, как невозможность равенства сбе-

режений и инвестиций и невозможность потери капитала при ошибочном инвестировании. Принципиально разное понимание равновесия — у Хайека как межвременного равновесия, включающего согласованность планов экономических агентов, а у Сраффы как равенства цен долгосрочным издержкам — оставляет оппонентов в разных плоскостях в данном вопросе. В стороне от дебатов осталась теория капитала. Что касается возможности существования множества равновесных естественных процентных ставок, то такая трактовка возникла у Сраффы по причине восприятия хайековского равновесного состояния как соответствующего исключительного бартерной экономике — и уступка Хайека в данном вопросе выглядела фатальной.

Сведение рамок хайековского анализа к бартерной экономике произошло, на наш взгляд, по причине ошибочного выбора Хайеком представления идеальной экономики как некоего равновесного состояния и содержательной неточности формулировки естественной ставки процента. При этом Сраффа так и не дает ответа на действительно ключевой вопрос теории цикла — приводит ли монетарная экспансия к искажению структуры производства и капитала и, как следствие, к кризису.

Мировой кризис 2008 г. возродил интерес к альтернативным мейн-стриму теоретическим взглядам. Разрушение иллюзий возможности поддержания устойчивого роста экономики посредством антициклической политики требует осмысления природы и причин бизнес-цикла, и внимательное отношение к теоретическому спору между Сраффой и Хайеком способно как минимум подтолкнуть современных исследователей к переоценке перспектив произвольного манипулирования процентными ставками.

Список литературы

1. *Ковалев А. В.* Дебаты Кейнс—Хайек: переосмысление в свете современной макроэкономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Экономика. — 2018 (в печати).
2. *Хайек Ф. А.* [1931]. Цены и производство. — Челябинск: Социум, 2008.
3. *Худокормов А. Г.* Теории денег: очерки теории экономико-теоретической мысли (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. — 2017. — № 5. — С. 57–83.
4. *Caballero R. J.* Macroeconomics After the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives. — 2010. — Vol. 24. — Iss. 4. — P. 85–102.
5. *Ferlito C.* Ludwig M. Lachmann Against the Cambridge School // Journal of Reviews on Global Economics. — 2015. — No 4. — P. 251–267.
6. *Glasner D., Zimmerman P. R.* The Sraffa-Hayek Debate on the Natural Rate of Interest (July 7, 2014) // SSRN working paper series. URL: <http://ssrn.com/abstract=2221695> (дата обращения: 21.08.2018).

7. *Hayek F. A.* [1928]. The intertemporal equilibrium system of prices and the movements of the monetary value / In F. A. Hayek. *Money, Capital, and Fluctuations. Early Essays.* — London, Melbourne, and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1984.
8. *Hayek F. A.* [1929]. *Geldtheorie und Konjunkturtheorie.* — Vienna: Julius Springer Verlag, 1929.
9. *Hayek F. A.* [1931a]. Reflections on the Pure Theory of Money of Mr. J. M. Keynes // *Economica.* — 1931. — Vol. 11 (33). — P. 270–295.
10. *Hayek F. A.* [1931b]. A Rejoinder to Mr. Keynes // *Economica.* — 1931. — Vol. 11 (33). — P. 398–403.
11. *Hayek F. A.* [1931c]. *Prices and Production.* — London: G. Routledge and Sons, 1931.
12. *Hayek F. A.* [1932a]. Reflections on the Pure Theory of Money of Mr. J. M. Keynes (continued) // *Economica.* 1932. — Vol. 12 (35). — P. 22–44.
13. *Hayek F. A.* [1932b]. Money and Capital: A Reply to Mr. Sraffa // *Economic Journal.* — Vol. 42 (2). — P. 237–249.
14. *Hayek F. A.* [1933]. *Monetary Theory and Trade Cycle.* — New York, Augustus M. Kelley, 1933 [reprinted 1966].
15. *Keynes J. M.* [1930]. *A Treatise on Money.* — London: Macmillan, 1930.
16. *Keynes J. M.* [1931]. The Pure Theory of Money. A Reply to Dr. Hayek // *Economica.* — Vol. 11(34). — P. 387–397.
17. *Kurz H. D.* The Hayek-Keynes-Sraffa Controversy Reconsidered / In H. D. Kurz and N. Salvadori (eds.) *The Legacy of Piero Sraffa.* — Cheltenham: Edward Elgar, 2003. — P. 257–447.
18. *Kurz H. D.* Capital Theory, Crises, and Business Cycles: The Triangular Debate between Hayek, Keynes, and Sraffa // *Journal of Reviews on Global Economics.* — 2015. — No. 4. — P. 186–191.
19. *Lachmann L. M.* Austrian Economics under fire: the Hayek-Sraffa Duel in Retrospect / In W. Grassl and B. Smith (eds.) *Austrian Economics: Historical and Philosophical Background.* — London: Croom Helm, 1986. — P. 225–242.
20. *Naldi N.* Sraffa and Keynes on the Concept of Commodity Rates of Interest // *Contributions to Political Economy.* — 2015. — Vol. 34. — Iss. 1. — P. 17–30.
21. *Sanz Bas D.* Hayek's Critique of The General Theory: a New View of the Debate between Hayek and Keynes // *Quarterly Journal of Austrian Economics.* — 2011. — Vol. 14 (3). — P. 288–310.
22. *Shackle G. L. S.* *The Years of High Theory: invention and tradition in economic thought, 1926–1939.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
23. *Snowdon B., Vane H. R., Wýnarczyk P.* *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought.* — Cheltenham: Edward Elgar, 2005.
24. *Sraffa P.* [1932a]. Dr. Hayek on Money and Capital // *Economic Journal.* — 1932. — Vol. 42 (1). — P. 42–53.
25. *Sraffa P.* [1932b]. A Rejoinder // *Economic Journal.* — 1932. — Vol. 42 (2). — P. 249–251.
26. *Vernengo M.* Sraffa, Keynes and 'The Years of High Theory' // *Review of Political Economy.* — 2001. — Vol. 13 (3). — P. 343–354.
27. *Wicksell K.* [1898]. *Interest and Prices.* — London: Royal Economic Society (Macmillan), 1936.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Kavaliou A. V.* Debaty Keynes-Hayek: pereosmyslenie v svete sovremennoj makroekonomiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija Ekonomika. — 2018 (forthcoming).
2. *Hayek F. A.* [1931]. Ceny i proizvodstvo. — Chelyabinsk: Sotsium, 2008.
3. *Khudokormov A. G.* Teorii deneg: ocherki teorii ekonomiko-teoreticheskoy mysli (materialy k lekcijam i seminarom) // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. — 2017. — № 5. — S. 57–83.